

В истории гонок Формулы-1 немало случаев, когда дождь приводил к катастрофам. Остановка соревнований — это еще удачный исход, куда страшнее трагедии, когда разбиваются машины и гибнут люди, от таких мыслей кровь стынет в жилах.

Лянь Ясун раньше об этом не знала, ей хотелось лишь одного: чтобы Цзян Ван поскорее проехал оставшиеся пять кругов. Но окружавшие ее члены команды начали нервничать, то и дело перебрасываясь на английском тревожными фразами, и даже она, далекая от гонок, невольно заволновалась.

Она нашла руководителя команды и взмолилась:

— Дождь усиливается, нельзя ли приказать Цзян Вану остановиться и сменить шины?

Кто-то уже предлагал это ранее, утверждая, что так можно хотя бы гарантировать безопасность гонщика, пусть даже ценой потери места в заезде. Однако руководитель хранил молчание.

В официальных гонках решение о смене шин всегда остается за пилотом. Но у них здесь не спорт, а гонки на выживание, где гонщики, вероятно, ставят свое место выше собственной жизни, и в такой критический момент никто не осмелится самовольно заехать на пит-стоп.

Ей оставалось лишь умолять руководителя отдать приказ. Она была готова отдать все свои деньги, лишь бы с Цзян Ваном не случилось ни малейшей беды!

Но руководитель холодно ответил ей по-английски, и от его слов Лянь Ясун словно бросило в ледяной погреб:

— Если он тебе дорог, уважай его решение.

Не говоря уже о том, что руководитель неверно истолковал их отношения, одна только эта фраза отозвалась в сердце Лянь Ясун острой болью.

Она снова посмотрела на экран телевизора. Изображение было четким, сквозь него проглядывали тонкие косые нити дождя.

Машина Цзян Вана неслась вперед как безумная, он шел напролом, обгоняя соперников одного за другим. Прошло всего два круга, а он уже был вторым.

Дождь лил все сильнее, а он все еще ехал на сухих шинах с минимальным коэффициентом сцепления, на предельной скорости проносясь по скользкой трассе.

Глаза Лянь Ясун защипало, словно в них плеснули перцовой настойкой, они наполнились слезами, и она не могла их открыть. Зажав рот рукой, она почувствовала, как к горлу подкатывает горький ком.

Это она загнала его в такие условия — ради денег он готов был рискнуть жизнью.

Когда она впервые увидела его, он тоже гонял, но это было совсем не похоже на нынешнюю отчаянную картину. Тогда он был молодым, дерзким, красивым, типичным богатым наследником, чья непринужденная улыбка могла покорить тысячи девичьих сердец.

Некоторые машины позади уже свернули на смену шин, но он — нет. Казалось, он вовсе не замечал перемен вокруг, продолжая уверенно ускоряться и обходить соперников.

Наконец на одном из поворотов случилась заминка: Цзян Ван, похоже, переборщил со скоростью, и его машину занесло, она едва не вылетела на траву.

У Лянь Ясун сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Увидев, как он резко вывернул руль и вернул болид на трассу, она почувствовала, как отлегло от сердца, будто после крутого виража на американских горках.

Она и так страдала от пониженного сахара в крови, а этот испуг окончательно подкосил ее ноги. Согнувшись и опираясь на колени, она присела, обхватила себя руками и, вскинув голову, продолжала неотрывно следить за экраном.

Руководитель тоже присел рядом и коротко бросил, пытаясь ее успокоить:

— Присмотри за вашим малышом, он наверняка тоже аплодирует папиной храбрости! Через десять минут он либо погибнет, либо победит!

Лянь Ясун с горечью покачала головой, и горячая слеза невольно скатилась по щеке.

Оказывается, даже если задрать голову к небу, слезы не остановить. Когда на душе больно, печаль все равно найдет выход.

Напряженная до предела гонка наконец завершилась. Когда Лянь Ясун увидела на экране, как ярко-красная вспышка первой пересекает финишную черту, ей на мгновение показалось, что она спит.

Этот красный цвет был слишком вызывающим, ведущий, словно бык на арене, возбужденно кричал, повторяя, что первое место занял Цзян Ван.

Подиум находился недалеко от навеса. Лянь Ясун бросилась под проливной дождь и без труда нашла ликующую толпу.

Цзян Ван уже снял шлем и подшлемник, и восторженные люди подбрасывали его в воздух. Желтый гоночный комбинезон мелькал в небе, создавая иллюзию вознесения на небеса.

Лянь Ясун изо всех сил пыталась пробиться внутрь, толпа швыряла ее из стороны в сторону, и только когда руководитель команды через мегафон приказал людям расступиться, она смогла подойти к нему.

Кто-то подтолкнул ее, и она с размаху врезалась в его объятия, словно бестолковый кролик, случайно забредший в чащу леса.

Подняв глаза, она увидела в его черных, как тушь, зрачках два крошечных отражения самой себя.

От него исходила влага дождя, и его высокая фигура, окутывая ее, передавала этот холод.

Она заметила в его глазах мимолетное колебание, но не успела понять, что оно значит, как почувствовала, что он крепко прижал ее к себе.

— Не двигайся, дай мне просто обнять тебя... — его голос смешивался с холодным ночным ветром, и Лянь Ясун почувствовала, как озноб пробирает до костей.

Он был весь ледяной, а щека, прижатая к ее шее, казалась еще холоднее. Она обняла его за талию, желая подарить ему хоть немного тепла.

Таким, как сейчас, он напоминал маленькую лодочку, только что пережившую шторм в открытом море. Она была готова стать для него тихой гаванью, где он мог бы укрыться от бури.

Окружающие, вероятно, превратно истолковали их близость и начали подначивать: кто-то свистел, кто-то обнимал своих возлюбленных, а кто-то скандировал: Целуй!

Цзян Ван, обнимая ее, словно пытаясь успокоиться, прошептал ей на ухо:

— Подыграй мне, нужно для вида, просто поверни голову.

Сказав это, он склонился и коснулся губами ее правой щеки, легко запечатлев поцелуй.

Холодные губы, коснувшиеся ее кожи, были легкими, как крылья стрекозы, но этот жест обрушился на ее сердце тяжелым камнем.

<http://bllate.org/book/22311/2335899>